

Чернега В.Н.¹, 2020

Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции

***Аннотация.** В статье рассматриваются существующие во Франции точки зрения на перспективы превращения ЕС в «политическую державу» и появления в нем собственного военного инструмента, достойного этого имени. Отмечается, что, по мнению большинства французских политиков, экспертов и журналистов, ЕС пока далек от полноценной политической субъектности. Хотя в нем образованы политические и военные структуры, своего рода «эмбрионы» квазигосударства, и уже существует «неоимперская» тенденция, в основном он представляет собой экономическую и гражданскую «державу», вынужденную бороться за свое влияние на международной арене с помощью «мягкой силы». Главной причиной его слабости является внутренняя рыхлость, разногласия между государствами-членами по поводу его будущего. Кроме того, достижению Евросоюзом самодостаточности, особенно в военно-политической сфере, мешают США, не заинтересованные в появлении нового глобального соперника. Контролируемая ими НАТО может допустить только создание «европейской опоры» под своей опекой. Против военной самостоятельности ЕС выступают восточноевропейские страны, ориентирующиеся в вопросах безопасности не на Брюссель, а на Вашингтон. Однако подъем Китая и избрание президентом США националиста Д. Трампа усилило в ЕС течение, выступающее за его политическую*

---

¹ Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (vladimir.tchernega@free.fr).

самостоятельность и за создание собственной «европейской обороны». В статье анализируются инициативы и действия президента Франции Э. Макрона, который олицетворяет данное течение. Констатируется, что с помощью Германии ему удалось добиться определенных подвижек как в плане общей интеграции, так и по линии «европейской обороны». Это позволило ему заговорить даже о формировании «европейской армии». Но вопрос о том, удастся ли ему продвинуться дальше, остается открытым. Кроме сохраняющихся препятствий на пути политической и военной интеграции, свои «коррективы» вносит пандемия коронавируса. Вновь обнаружившийся в связи с ней раскол ЕС на «Юг» и «Север» поставил под вопрос и без того хрупкую конструкцию ЕС.

Ключевые слова: политическая и военная слабость ЕС, тенденция к большей самостоятельности, перспективы «европейской обороны» и «европейской армии».

Проблематика «европейской обороны» и в том числе участия в ней отдельных стран ЕС, включая Францию, давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. В последнее десятилетие по ряду причин актуальность этой темы выросла. Среди работ российских авторов, занимающихся этой проблематикой, следует выделить изданные в Институте Европы РАН: монографию «Военная политика Евросоюза» [Журкин, 2014], главу «Европейская безопасность. Новые военно-политические реалии» в коллективной монографии «Европа XXI века. Новые вызовы и риски» [Данилов, 2017]; статью «Вооруженные силы ЕС: Реальность или химера?» [Сидоров, 2012] и др. Эта проблематика исследовалась также в сборниках научных трудов ИНИОН РАН, в частности «Проблемы европейской безопасности» [Проблемы европейской.., 2018], сборниках статей научных конференций, изданных в ИМЭМО РАН [Франция.., 2018].

В числе публикаций иностранных исследователей, задействованных при подготовке данной статьи, особое место заняли монографии французских авторов: «Европейская политика в области безопасности и совместной обороны» [Dumoulin, Gros-Verheyde, 2017]; «Европа держава, мифы и реальность» [Nivet, 2019]; «Защитить Европу» [Mauro, Jehin, 2019]; «Отношения между Европейским союзом и ООН в области управления кризисами» [Hamonic, 2018], а

также коллективный труд «Европейский союз и мир» [L'Union européenne., 2017].

Прежде чем приступить к рассмотрению избранной темы, представляется необходимым кратко затронуть вопрос о том, как во Франции видится будущее ЕС в качестве субъекта международной политики. Очевидно, что без ясности в отношении такого статуса говорить о реальной «европейской обороне» не имеет смысла, поскольку непонятно, кого она должна защищать. По поводу нынешнего положения вещей разногласий во Франции немного. Подавляющее большинство политиков, журналистов и экспертов констатируют, что за более чем 60 лет своего существования ЕС мало продвинулся по пути превращения в самостоятельную «политическую державу», способную конкурировать с США и Китаем. Такой точки зрения придерживаются даже «суверенисты», выступающие против дальнейшего углубления интеграции в ЕС, в том числе потому, что он не в состоянии эффективно защищать интересы европейцев перед лицом Соединенных Штатов. Между тем, хотя ЕС зародился как экономическое образование, такие его «отцы-основатели», как Р. Шуман и Ж. Монне, мечтали о политическом сплочении, которое позволило бы объединению стать «равным» США. В частности, Ж. Монне писал, что только в этом случае последние будут считаться с Европой и идти на переговоры в торгово-экономической области (см.: [Nivet, 2019, p. 26]).

Конечно, появление в ЕС Европейской комиссии (ЕК), условно считающейся его «правительством», Европейского парламента, председателя Европейского совета («президента»), Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности и подчиненной ему Европейской службы внешних действий¹ с обширной сетью представительств в разных странах создало определенную институциональную основу для правовой и политической субъектности. Тем не менее, по мнению большинства французских специалистов, занимающихся проблематикой ЕС, он пока может считаться лишь экономической и «гражданской» державой. В последнем случае имеется в виду отсутствие не только политического

---

¹ *Service européen pour l'action extérieure (SEAE).*

единения, но также собственного военного инструмента, достойного этого имени, и необходимость полагаться вовне почти исключительно на «мягкую силу». ЕС использует ее для продвижения своего влияния на международной арене, но в основном в таких нишах, как гуманизация международных отношений и международного права, а в более конкретном плане – урегулирование конфликтов и кризисов. Именно в этой области у ЕС лучше всего получается сотрудничество с ООН [Hamonis, 2018, p. 347–357]. Отсюда еще одно определение ЕС – «нормативная держава», которая содействует утверждению в мире гуманитарных норм, демократии и прав человека. Впрочем, некоторые французские специалисты подвергают сомнению такое определение, считая, что достижения ЕС на этом направлении преувеличены [Laidi, 2008, p. 126; Nivet, 2019, p. 39].

Как представляется, приведенные оценки несколько упрощают «феномен» ЕС. Его политическая слабость очевидна, но она парадоксальным образом сочетается с «неоимперской» тенденцией, которая особенно ярко проявилась на Украине в 2013–2014 гг. Стоит напомнить, что именно соперничество Брюсселя с Москвой за влияние в этой стране, сосредоточившееся в тот момент на подписании или неподписании Киевом соглашения об ассоциации с ЕС, сыграло роль катализатора в процессе, приведшем к «революции Майдана». Попытка В. Януковича найти компромисс через создание трехсторонней рабочей группы, которая позволила бы примирить интересы России и ЕС, не нашла поддержки в ЕК, руководимой М. Баррозо. Как развивались дальше события, хорошо известно, причем Брюссель сразу же признал новую украинскую власть, ориентирующуюся на Запад.

ЕС еще в 2009 г. одобрил предложенный Польшей, странами Балтии и Швецией проект «Восточного партнерства», направленный на ограничение влияния России на постсоветском пространстве. Конечно, официально речь шла лишь о продвижении демократии, прав человека, правового государства и мирного разрешения кризисов. Однако, как отмечается в упомянутом выше коллективном труде «Европейский союз и мир», помимо этого преследовалась цель «обеспечить предпочтительность экономических активов

ЕС» и «пересмотр балансов державных интересов на региональном уровне», в частности на Кавказе. Авторы признают, что ЕС переоценил свои силы. Ему удалось продвинуться в Грузии и на Украине, но в то же время Белоруссия, Армения, Азербайджан не стали жертвовать своими связями с Россией ради сближения с Брюсселем. ЕС не смог также полностью вовлечь в свою орбиту Молдавию [L'Union européenne., 2017, p. 209].

«Неоимперская» тенденция в ЕС, не опирающаяся на полноценную политическую субъектность, побуждает говорить скорее о «незавершенной державности». Известное высказывание Г. Киссинджера во время его работы на посту государственного секретаря США (1973–1977): «Евросоюз – это какой номер телефона?» – остается актуальным до сих пор. Брюссель, естественно, заинтересован в преодолении данной незавершенности, предопределяющей его политическую слабость. Но, как отмечают большинство французских исследователей, существуют две главные причины, которые не позволяют сделать это. Прежде всего внутренняя рыхлость ЕС, связанная со слишком большим числом государств-членов, и отсутствие единства среди них по главнейшему вопросу: должен ли ЕС эволюционировать в сторону «политической державы» и, соответственно, стоит ли ему передавать больше компетенций в политической сфере.

По большому счету речь идет о согласии или несогласии с перспективой превращения ЕС в федеративное государство. Единства по этому вопросу нет и в самой Франции, причем даже среди «европеистов». Многие из них, как указывает научный сотрудник Института стратегических исследований Высшей военной школы (Париж, Франция) Б. Ниве, на словах поддерживают эту идею, но на деле обычно не проявляют особого энтузиазма в претворении ее в жизнь. Мешает парадоксальная смесь комплекса «державности», являющегося глубинным элементом французской ментальности, и сформировавшейся за многие годы «трансатлантической психологии».

Когда трансатлантическая связка с США функционирует нормально, федералистская тенденция затухает. Напротив, обострение отношений, как это было в 2003 г. после вторжения США в

Ирак, или трения, возникшие после прихода к власти Д. Трампа, вызывают всплески «державности», которые у «европеистов проецируются на ЕС. Соответственно, федералистская тенденция усиливается [Nivet, 2019, p. 282].

Еще одна причина – неоднозначное отношение к ЕС, особенно с течением времени, самих Соединенных Штатов. Вначале они поддерживали евроинтеграцию, поскольку она сплачивала Западную Европу перед лицом СССР и, кроме того, позволяла интегрировать в «западную семью» Германию. В дальнейшем, однако, восприятие этого процесса Соединенными Штатами становилось все более «нюансированным».

Уже в 1970-е годы в США и Великобритании появились публикации, в которых предсказывалось превращение тогдашнего ЕЭС в «неоимперскую сверхдержаву», которая должна была вернуть Европе главную роль в «евроцентричном мире» [Galtung, 1973]. Вряд ли эта перспектива устраивала американский «истеблишмент», который рассматривал ЕС, скорее, как свой протекторат. Такую установку позже выразила К. Райс в бытность свою в 2001–2005 гг. советником по национальной безопасности президента Дж. Буша-мл.: «США должны поддерживать единство ЕС, когда это возможно, и его расколы, когда это необходимо» [Nivet, 2019, p. 146].

Для многих французских экспертов очевидно, что США нужен не «неоимперский» соперник, а слабый ЕС, который можно использовать в своих целях в зависимости от меняющихся американских интересов. Это особенно касается военно-политической области. Даже тезис о «европейской опоре» НАТО, время от времени озвучиваемый в трансатлантических кругах, приемлем для Соединенных Штатов лишь в той мере, в какой он помогает им облегчить бремя своих союзнических обязательств. Идея же «европейской обороны», нацеленная на достижение ЕС самодостаточности в этой сфере, не может их устроить в принципе.

Б. Ниве выразил американскую позицию следующим образом: «Признание возможности автономных действий ЕС, но только при условии первенства в принятии решений за НАТО; поощрение усиления его потенциала, но на фоне постоянных угроз о вы-

воде американских сил из Европы; согласие с возрастающей ролью ЕС, но неприятие его роли, как стратегического актора» [Nivet, 2019, p. 156].

Отсюда поддержка Соединенными Штатами расширения ЕС на Восточную Европу, которое позволило Вашингтону «убить двух зайцев»: сделать ЕС более рыхлым; ввести в него государства, ориентирующиеся в вопросах безопасности не на Брюссель, а на Вашингтон. «Дядя Сэм, – указывает бывший директор Высшей военной школы Франции, генерал В. Депорт, – поощрял расширение, чтобы растворить ЕС в пространстве, и добился блестящего результата. От Парижа до Будапешта восприятие угроз и стратегических интересов, культура оперативного искусства слишком различаются, чтобы страны ЕС единодушно согласились сделать свою оборону зависимой от сплочения национальных потенциалов, хотя давно утратили способность свободно распоряжаться ими» [Desportes, 2019, p. 13].

Д. Трамп, с его ментальностью бизнесмена-националиста, как известно, «разнообразил» американскую позицию. Заявив, что НАТО «устаревшая организация», он добился от европейских государств – членов НАТО твердых обязательств по увеличению военных расходов до 2% ВВП, с тем чтобы уменьшить финансовую нагрузку на США по обеспечению боеспособности организации.

В то же время Трамп не скрывает своего отрицательного отношения к ЕС, что выразилось не только в торговых войнах с ним, но и в поддержке Брекзита. Его заявления и практические шаги оказали большое влияние на французские элиты, причем как на «суверенистские», так и «европеистские» фракции. Первые использовали их в политической борьбе для продвижения лозунгов национальной «державности» и, соответственно, уменьшения зависимости Франции от ЕС и НАТО. Вторые, напротив, в соответствии с диалектикой, отмеченной выше, вновь обратились к идее наделять ЕС «державностью». Выразителем последней тенденции стал Э. Макрон, который еще до избрания президентом Франции в мае 2017 г. продемонстрировал умение «синтезировать» противоречивые установки.

В своей книге «Революция», изданной в конце 2016 г., Э. Макрон, с одной стороны, подчеркивал приверженность державному статусу Франции, связанному с обладанием ядерным оружием, сетью баз за рубежом, сильными позициями в бывших колониях и постоянным членством в Совете Безопасности ООН. Эти «козыри» Франция должна сохранять и использовать для распространения своего влияния в мире. С другой стороны, Э. Макрон призывал сограждан понять, что без ЕС «у Франции нет шансов иметь вес перед лицом Китая и США», и предлагал активизировать евроинтеграцию. Более того, он утверждал: «Настоящими суверенистами являются европеисты. Было бы иллюзией считать, что мы можем справиться с новыми вызовами времени на национальном уровне. Наплыв мигрантов, угроза терроризма, изменения климата, цифровая революция в условиях преобладающей экономической мощи Китая и США требуют действий на европейском уровне» [Macron, 2016, p. 231, 268].

Э. Макрон указывал также на неизбежность определенного дистанцирования ЕС от США. Он обращал внимание на то, что расхождение их геополитических траекторий началось еще при президенте Б. Обаме в связи с тем, что внешние приоритеты США все больше сдвигались в сторону Азии. Избрание президентом Д. Трампа с его лозунгом «Америка прежде всего» лишь укрепило убежденность Э. Макрона в том, что по крайней мере часть державных интересов Франции ввиду недостаточности ее собственных ресурсов может быть реализована только с помощью ЕС,двигающегося в сторону большей самостоятельности.

Для Э. Макрона было очевидно, что обеспечить такое движение Франция могла только вместе с Германией, которую, как он подчеркивал, нужно освободить от «чрезмерного атлантизма». В конечном счете интеграцию, по его представлениям, следовало распространить на внешнюю политику и военную сферу. «Мы должны выработать европейскую стратегию на десять лет в дипломатической и военной областях, ибо Западной Европе придется все больше полагаться в деле своей защиты на саму себя» [Macron, 2016, p. 211].

Следует отдать должное Э. Макрону, он не стал откладывать дело в долгий ящик и сразу после избрания начал претворять эти идеи в жизнь. В сентябре 2017 г. он выступил в Сорбонском университете с обширной программой усиления ЕС, по существу открывавшей перспективу превращения его в федеративное государство. Это выступление достаточно детально анализировалось в России. В настоящей статье представляется целесообразным лишь напомнить, что Э. Макрон, во-первых, поставил во главу угла «европейский суверенитет», требующий для начала превращения ЕС в единую экономическую и научно-техническую державу; во-вторых, сделал акцент на ускорение и углубление интеграционного процесса в «зоне евро» (остающиеся же вне ее государства-члены должны были по мере возможности подтягиваться к ней – «двухскоростная Европа»); в-третьих, выдвинул ряд предложений по активизации франко-германского «тандема» в качестве «мотора» интеграции и, наконец, в-четвертых, подчеркнул необходимость для ЕС создать «европейскую автономную оборону» в дополнение к НАТО.

Стоит отметить, что его предшественник Ф. Олланд на саммите Франции, ФРГ, Испании и Италии в Версале в марте 2016 г. также говорил о необходимости для ЕС укреплять зону евро как «ядро» интеграционного процесса и создавать «совместную оборону» [Pflimlin, 2017]. Франция активно содействовала принятию в июне 2016 г. Глобальной стратегии для внешней политики и безопасности ЕС¹, в которой был сделан упор на защиту населения от новых угроз, в частности терроризма, «гибридных войн», кибератак, а также на урегулировании международных конфликтов.

Во-первых, Э. Макрон конкретизировал инициативу Ф. Олланда. В указанном выступлении в Сорбонне он заявил, что уже в начале следующего десятилетия ЕС должен иметь общий военный бюджет, общую стратегическую доктрину и общие силы вмешательства. Э. Макрон предложил заинтересованным государствам-членам образовать новую структуру под названием Европейская

---

¹ *Stratégie globale pour la politique étrangère et de sécurité de l'Union Européenne (SGUE).*

инициатива вмешательства (ЕИВ)¹, а также направлять своих стажеров во французские штабы, с тем чтобы начать формировать «общеевропейскую стратегическую культуру» (см., например: [Сидоров, 2018, с. 198]).

Еще одно предложение нового президента касалось создания структуры, названной им Европейской академией разведки, которая, помимо прочего, выполняла бы функцию координации деятельности разведслужб ЕС. Э. Макрон подчеркнул также, что Франция после его прихода к власти приложила все усилия для оживления Постоянного структурированного сотрудничества ЕС по вопросам обороны (PESCO), учрежденного еще Лиссабонским договором 2007 г., но так и не проявившего себя, а также для продвижения Европейского оборонного фонда (ЕОФ)², главной задачей которого было бы финансирование совместных НИР в военной сфере [Initiative..., 2017].

Во-вторых, по сравнению с Ф. Олландом новый президент проявил значительно больше настойчивости в продвижении этих и других интеграционных инициатив. Он явно претендовал на роль «лидера Европы», ведущего за собой остальные государства. Поначалу большинство его предложений повисли в воздухе в связи с колебаниями А. Меркель, которая к тому же после парламентских выборов в Германии в сентябре 2017 г. долго не могла сформировать правительство. Кроме того, немцы опасались, что именно им придется оплачивать расходы по укреплению ЕС, а политические дивиденды достанутся прежде всего Франции. Однако в конечном счете перед лицом националистической политики Д. Трампа канцлер поддержала Э. Макрона. Сыграла свою роль и конфронтация с Россией, связанная с кризисом на Украине и российским вмешательством в Сирии. К сожалению, часть «европеистов», не говоря уже о «евробюрократии в Брюсселе, использовала страшилку о «российской угрозе» для сплочения ЕС и продвижения «европейской обороны». Время от времени к ней прибегает и Э. Макрон, хотя одновременно ратует и за сближение с Россией.

---

¹ *Initiative européenne d'intervention (IEI).*

² *Fonds européen de la défense.*

Свидетельством укрепления «тандема» явилось заключение 22 января 2018 г. в г. Аахен нового франко-германского межгосударственного договора. Он развивал известный Елисейский договор 1963 г., воплощавший «историческое примирение» между двумя государствами. Благодаря усилиям «тандема» многие предложения Э. Макрона начали осуществляться или были поставлены в повестку дня ЕС. Автор уже имел возможность рассмотреть их [Чернега, 2019].

Представляется целесообразным лишь напомнить, что в плане общего укрепления ЕС речь идет прежде всего о создании Европейского валютного фонда (своего рода аналога МВФ, предназначенного для борьбы с финансовыми кризисами типа греческого, разразившегося в 2010 г.); о формировании общего бюджета «зоны евро»; об образовании Европейского совета безопасности; об отказе от принципа единогласия при голосовании по вопросам безопасности в Европейском совете; о проведении выборов в Европарламент и назначении еврокомиссаров на транснациональной основе.

С точки зрения темы настоящей статьи особенно важно то, что «тандем» смог активизировать Общую политику в области безопасности и обороны (ОПБО) ЕС¹, учрежденную в 2009 г. на основе Общей политики в области внешней политики и безопасности (ОВПБ)². Последняя была предусмотрена еще Маастрихтским договором 1992 г., но, как отмечают все французские эксперты, растворяла оборонную проблематику в политике безопасности. ОПБО должна была решить эту проблему, но она долгое время была в «спящем» состоянии.

Среди конкретных подвижек в сторону «европейской обороны» следует отметить присоединение 23 государств – членов ЕС к уже упоминавшемуся Постоянному структурированному сотрудничеству в области безопасности (PESCO); образование ЕОФ с запланированным бюджетом в 13 млрд евро; создание в Париже небольшой структуры ЕИВ (см. выше), которая, по мысли Э. Макрона, должна положить начало Общим силам вмешательства ЕС; откры-

---

¹ *Politique de sécurité et de défense commune (PSDC)*.

² *Politique étrangère et de sécurité commune (PESC)*.

тие также в Париже в 2019 г. Европейского разведывательного колледжа¹ (в речи в Сорбонне 2017 г. Макрон назвал ее Европейской академией разведки).

Французские СМИ особо выделили прогресс PESCO, которое до тех пор по сути являлось «пустой раковиной», а также поддержку в ЕС инициативы по разведывательному колледжу, представляющую в силу «деликатности» вопроса, маловероятной [Mevel, 2017; Cornevin, 2020]. Окрыленный Э. Макрон, который вначале осторожно говорил о продвижении «европейской обороны» «в дополнение» или «параллельно» НАТО, как известно, в ноябре 2018 г. сделал нашумевшее высказывание о необходимости образования «европейской армии», которая защищала бы ЕС от Китая, России, а также США.

Конечно, Елисейский дворец в связи с протестами Д. Трампа поспешил заявить, что «произошла путаница и президента неправильно поняли» [Dusseaulx, 2018], но вряд ли слова Э. Макрона были оговоркой. В ноябре 2019 г. вновь много шума вызвало его заявление о «смерти мозга» НАТО, которое он сделал в связи с антикурдской операцией Турции в Сирии и выводом из этой зоны в угоду Анкаре большей части американских войск, ранее поддерживавших курдов.

Франция, также оказывающая военную помощь курдским формированиям, об этом выводе не была даже проинформирована [Syrie., 2019]. Высказывание Э. Макрона вызвало недовольство А. Меркель. Французские СМИ отмечали, что, хотя популярность США и НАТО в Германии в последние годы снизилась, германские элиты не хотят разрыва трансатлантической связи [Otan., 2019].

Даже предложение Э. Макрона обсудить возможную роль французского ядерного арсенала в «коллективной безопасности Европы» вызвало у них прохладную реакцию [Wieder, 2020]. Иначе говоря, Э. Макрон, похоже, несколько «забежал вперед». Большинство французских экспертов, несмотря на указанные выше подвижки в области «европейской обороны», пока скептически оцени-

---

¹ Collège du Renseignement en Europe.

вают возможность построить ее в обозримой перспективе, не говоря уже о более амбициозной идее «европейской армии».

Главные препятствия в обоих случаях французские эксперты, как и следовало ожидать, видят как раз в НАТО, контролируемой США, и негативном отношении к данному проекту восточноевропейских государств – членом ЕС. Даже в минимальном формате автономная «европейская оборона» требует тесного сотрудничества ВС и разведслужб на основе соответствующих соглашений, согласованной военной доктрины, совместимой штабной культуры, «состыкованной» инфраструктуры, в частности транспортных возможностей, узлов связи, технических средств разведки и т.п. Всё это давно есть в НАТО, которая, кроме того, имеет общие структуры командования и планирования и опирается на военную мощь США.

НАТО, согласно ст. 28А Лиссабонского договора, является для входящих в нее государств – членом ЕС «фундаментом коллективной обороны и инстанцией по ее осуществлению». Вполне логично, что даже существующий с 1992 г. «Еврокорпус» (с 2002 г. – «Европейский корпус быстрого реагирования»), ведущий начало от совместной франко-германской бригады, находится в оперативном подчинении Альянса. Единственные операции, в которых участвовали подразделения корпуса, имели место в 1998–1999 гг. в Югославии в составе сил НАТО. Остается добавить, что для того, чтобы изменить указанную статью, необходимо единодушное голосование «за» нынешних 27 стран ЕС.

Иллюстрируя военную слабость ЕС и его зависимость от НАТО и США, французские исследователи Ф. Моро и О. Жеэн отмечают, что с 2003 г. ЕС организовал 35 собственных операций («миссий») в разных странах, главным образом в Африке, с гуманитарными целями или по поддержанию мира, из которых только 12 носили военный характер. Каждый раз они осуществлялись по принципу *ad hoc* силами, составленными из подразделений государств-членов или даже стран, не входящих в ЕС. В ходе этих операций проявлялись проблемы в области планирования и тылового обеспечения, в частности отсутствие дальней транспортной авиации. Все это могло быть обеспечено только Альянсом, а на практи-

ке – Соединенными Штатами [Mauro, Jehin, 2019, p. 21]. Еще большую зависимость европейцев от США в логистике, разведсредствах и боеприпасах показало вмешательство Франции и Великобритании в Ливии в 2011 г.

Что касается восточноевропейских стран, выше уже приводилось высказывание французского генерала В. Депорта о слишком больших различиях между ними и государствами Западной Европы в видении угроз, стратегических интересах и культурах оперативного искусства. Западные европейцы, особенно французы, склонны к более глобальной оценке угроз, среди которых важное место занимает «китайская экспансия» или исламский терроризм. Для Франции огромное значение имеет, в частности, исламистская опасность в ее бывших колониях в Африке, вынуждающая ее проводить там дорогостоящие военные операции.

Польша, страны Балтии усматривают главную угрозу в России и в связи с этим по-прежнему полагаются в вопросах национальной безопасности на НАТО и США. Отсюда их настороженное отношение к «европейской обороне», усугубляемое негативным восприятием франко-германского «тандема», и откровенная враждебность к идее «европейской армии». С точки зрения восточных европейцев, подобные проекты и идеи чреваты подрывом Альянса, что для них недопустимо [Gotkowska, 2018].

В свою очередь во Франции вызывают раздражение практические шаги Польши на пути военного сближения с США, подрывающие единство ЕС. Французские СМИ жестко отреагировали на покупку Польшей в январе 2020 г. 32 американских истребителей F-35. Газета «Эко», орган деловых кругов, особо выделяла тот факт, что Польша ради совершения этой сделки пошла на отказ от своих первоначальных требований разместить хотя бы часть заказов на ряд компонентов на польских предприятиях. Это усилило технологическую зависимость ее обороны от США [Bauer, 2020].

Для Франции данная сделка явилась неприятным сюрпризом, особенно после того, как в октябре 2018 г. о покупке 34 F-35 объявила Бельгия [Guibert, 2018]. Французские политики и эксперты справедливо указывают, что США используют НАТО, чтобы навязывать европейским союзникам покупку своих вооружений и

одновременно не допускают на свой рынок европейских производителей. Э. Макрон и А. Меркель продвинули создание ЕОФ для того, чтобы усилить кооперацию государств ЕС в разработке и производстве собственных вооружений и тем самым уменьшить зависимость от заокеанского союзника, а также сэкономить на сокращении дублирования друг друга в этой области.

Одновременно ФРГ и Франция надеются получить дополнительные средства для своих военно-промышленных комплексов, которые после Брекзита не имеют серьезных конкурентов внутри объединения. Пока, однако, финансовые перспективы фонда не совсем ясны. Решением ЕК он наделен бюджетом в 13 млрд евро, но на семь лет (2021–2027), т.е. на год будет приходиться менее 2 млрд. Предполагаются и другие источники финансирования фонда, которые могут увеличить бюджет до 48,6 млрд евро на тот же период [Mauro, Jehin, 2019, p. 49]. Однако в связи с экономическим спадом и финансовыми потерями из-за эпидемии коронавируса вопрос даже о 13 млрд евро остается открытым.

Несмотря на указанные проблемы, во Франции есть горячие сторонники не только «европейской обороны», но и «европейской армии». Среди них – уже упоминавшиеся генерал В. Депорт, эксперты Ф. Моро и О. Жеэн. Их аргументация сводится к тому, что продвижение в этом направлении диктуется рядом объективных факторов, в частности неизбежностью дальнейшего расхождения геополитических траекторий ЕС и США и, соответственно, ослаблением роли НАТО в защите Европы.

Соединенные Штаты все больше концентрируются на себе, а также на «китайской угрозе». Они по-прежнему рассматривают Альянс как инструмент удержания ЕС в качестве своего протектората, но у них все меньше желания исполнять свои обязательства перед ним. Д. Трамп вообще стремится решать все проблемы на двусторонней основе. Такие государства, как Польша, подыгрывают ему, предлагая, например, создать на своей территории базу – «Форт Трампа». Реализация этой инициативы означала бы «реальную смерть НАТО». Европейцев все больше раздражают также претензии США на экстерриториальность их правовой системы. «Американцы не только диктуют нам, с кем заключать договоры,

но у кого мы должны покупать газ и нефть» [Mauro, Jehin, 2019, p. 125]. ЕС, если хочет сохраниться и тем более развиваться, обязан создать собственный военный инструмент. На это потребуются значительные средства, но содержание Францией «державной» армии будет стоить дороже – не менее 3,5% ВВП [Ibid., p. 30].

Генерал В. Депорт, как и подобает военному человеку, высказывается еще более определенно: «Европа должна играть свою роль в мире. Но для того, чтобы ее голос был слышен, она должна располагать военной мощью, ибо, с тех пор как существует мир, идейные ценности стоят чего-то, если их преподносят на кончике меча» [Desportes, 2019, p. 12]. По его словам, парадокс ЕС состоит в том, что из-за отсутствия собственного военного потенциала он менее влиятелен в мире, чем Франция, хотя последней не хватает ресурсов для содержания «державных» ВС.

Ф. Моро и О. Жеэн, со своей стороны, утверждают, что «европейская армия» станет фактором укрепления ЕС и в конечном счете превращения его в федеративное государство. Как они подчеркивают, Франция и ряд других европейских государств создавались прежде всего военным путем. Поскольку разногласия в ЕС по военным вопросам не позволяют продвигать «европейскую армию» в рамках всего объединения, все три автора считают необходимым делать это в рамках еврозоны.

Для того чтобы обойти отмеченные выше положения Лиссабонского договора, они предлагают заключать отдельные соглашения между государствами, поддерживающими данный проект. В институциональном плане, по их мнению, требуется дополнить Еврогруппу (орган еврозоны, в котором заседают министры финансов) Еврогруппой по вопросам обороны, которая принимала бы решения большинством голосов.

Ф. Моро и О. Жеэн указывают также, что ЕС уже сейчас располагает значительными финансовыми средствами для решения вопросов безопасности и обороны, но они расплывлены по разным структурам. Еврогруппа по вопросам обороны позволила бы их «централизовать». ЕОФ, если он заработает, вкупе с существующим

с 2004 г. Европейским оборонным агентством (ЕОА)¹ призваны обеспечить централизацию в области разработки вооружений и систем двойного назначения. Примеров успешных европейских проектов уже много – от спутниковой навигационной системы «Галлилео» до самолета Eurofighter, вертолета NH-90 или ракет Meteor и Scalp [Mauro, Jehin, 2019, p. 47].

Свой оптимизм по поводу перспектив «европейской армии» Ф. Моро и О. Жеэн обосновывают также результатами опросов общественного мнения в ЕС. Согласно приведенным в их работе данным, в ЕС в среднем 75% граждан поддерживают упоминавшуюся выше ОПБО, которую авторы называют «протоструктурой европейской армии». Во Франции за создание именно «армии» высказались 80% [Ibid., p. 21].

Приведенные данные требуют, однако, уточнения, в том числе в более широком контексте эволюции общественного мнения в отношении самого ЕС и его приоритетов. В последние годы в ЕС возрастает число граждан, считающих, что перед лицом новых внешних и внутренних вызовов Евросоюз должен двигаться в сторону большего сплочения и большей самостоятельности [Défense..., 2019], хотя по важности вопросы обороны они ставят лишь на девятую позицию. На первых трех позициях находятся борьба с терроризмом, борьба с безработицей и защита окружающей среды [Delivering..., 2018, p. 10].

Опросы показывают также, что 55% европейцев поддерживают продвижение к «европейской армии». Однако эта поддержка сильно варьирует в зависимости от страны. Во Франции она действительно очень высока, но уже в Германии она существенно ниже, а в Польше и странах Балтии колеблется на уровне 10–12%. Нетрудно заметить, что эта ситуация коррелирует с данными об отношении населения государств ЕС к НАТО. Во Франции Альянс положительно воспринимают лишь 49% граждан, в Германии – уже 57, в Литве – 77, а в Польше – 82%. Если в последних двух странах поддержка НАТО остается стабильно высокой, то во Франции она

---

¹ Agence européenne de défense (AED).

упала за последние 12 лет на 22%, а в Германии – на 16% [Défense., 2019; François, 2020].

Таким образом, у инициатив Э. Макрона, направленных на строительство «европейской обороны», и его идеи «европейской армии» есть большая поддержка в собственной стране и менее значительная, но реальная поддержка – в Германии. Эти идеи пользуются определенной популярностью и в ряде других западноевропейских стран, что позволяет Э. Макрону и дальше претендовать на роль лидера процесса и одновременно опираться на франко-германский тандем. Сможет ли он, даже при поддержке Германии, продвинуться дальше уже достигнутого, этот вопрос остается открытым. Все перечисленные выше препятствия сохраняются. Пандемия коронавируса вновь продемонстрировала приоритетную роль национальных государств в преодолении чрезвычайных ситуаций, что дает дополнительные аргументы «суверенистам». Более того, пандемия вновь, как после греческого кризиса 2010 г., обнажила раскол ЕС на «Юг» и «Север». В ЕС нашли компромисс с Германией, Нидерландами, Австрией и Финляндией, не желавшими поступиться частью своего финансового благополучия ради спасения Италии или Испании. Однако продемонстрированное ими отсутствие солидарности может негативно сказаться на европейской интеграции в целом, не говоря уже о сближении в военно-политической области.

Литература

Данилов Д.А. Европейская безопасность: Новые военно-политические реалии // Европа XXI века: Новые вызовы и риски (монография). – М.; СПб.: Нестор-История. – 2017. – С. 526–544.

Журкин В.В. Военная политика Евросоюза. – М.: Междунар. отношения, 2014. – 256 с.

Проблемы европейской безопасности: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 3.: Европа в эпоху геополитических неопределенностей / отв. ред. Т.Г. Пархалина. – 312 с.

Сидоров А.С. Вооруженные силы ЕС: Реальность или химера? // Современная Европа. – 2012. – № 1 (49). – С. 134–142.

Сидоров А.С. Оборона и безопасность: Новый президент – старые вызовы // Франция при президенте Э. Макроне: В начале пути / отв. ред.

М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН. – 2018. – С. 193–199.

Франция при президенте Э. Макроне: В начале пути / отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН. – 2018. – 206 с.

Чернега В.Н. Евросоюз в поисках самого себя // Международная жизнь. – 2019. – Июль. – С. 64–72.

Bauer A. La Pologne signe l'achat de 32 chasseurs F-35 américains // Les Echos. – 2020. – 29.01.

Cornevin Ch. Les espions inaugurent le Collège européen de renseignement // Le Figaro. – 2020. – 25.02.

Défense: l'Union européenne crée-t-elle une armée européenne? // Parlement européen. – 2019. – 24.06. – Mode of access: <https://www.europarl.europa.eu/news/fr/headlines/security/20190612STO54310/defense-l-union-europeenne-cree-t-elle-une-armee-europeenne> (Date of access – 23.04.2020).

Delivering on Europe. Citizens' Views on Current and Future EU Action // Eurobarometer Survey of The European Parliament. A Public Opinion Monitoring Study. – Brussels, 2018. – May. – Vol. 89, PE 621.866. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/euro-barometer/2018/delivering_on_europe_citizens_views_on_current_and_future_eu_action/report.pdf (Date of access – 01.07.2020).

Desportes V. Préface // Mauro F., Jehin O. Défendre l'Europe. – P.: Nuvis, 2019. – P. 3–13.

Dumoulin A., Gros-Verheyde N. La politique européenne de sécurité et de défense commune: «Parce que l'Europe vaut bien une défense». – Bruxelles: Éd. du Villard, 2017. – 490 p.

Dusseaulx A.-Ch. Trump, Macron et l'armée européenne: Une passe d'armes en quatre actes // Le j. du Dimanche. – 2018. – 10.11. – Mode of access: <https://www.lejdd.fr/International/trump-macron-et-larmee-europeenne-une-passe-darmes-en-quatre-actes-3797597> (Date of access – 13.04.2020).

François J.-B. La confiance dans l'OTAN s'érode chez les Français et les Allemands // La Croix. – 2020. – 10.02.

Galtung J. The European Community: A Superpower in the Making. – L.: George Allen&Unwin, 1973. – 195 p.

Gotkowska J. The Trouble with PESCO. The mirages of European defense // OSW Point of View, 2018. – N 69, February. – P. 5–24.

Guibert N. La Belgique achète des F-35 américains, un coup dur pour la défense européenne // Le Monde. – 2018. – 26.10.

Hamonic A. Les relations entre l'Union européenne et l'ONU dans le domaine de la gestion des crises. – P.; Bruxelles: Ed. Bruylant, 2018. – 803 p.

Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique // Élysée. – 2017. – 26.09. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-demo-cratique> (Date of access –23.04.2020).

Laïdi Z. La norme sans la force, l'énigme de la puissance européenne. – P.: Presses de Sciences Po, 2008. – 296 p.

Macron E. Révolution. – P.: XO Editions, 2016. – 268 p.

Mauro F., Jehin O. Défendre l'Europe. – P.: Nuvis, 2019. – 126 p.

Mevel J.-J. L'Europe de la défense veut s'émanciper des États-Unis // Le Figaro. – 2017. – 13.11.

Nivet B. L'Europe puissance, mythes et réalités. – Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux, 2019. – 308 p.

Otan en «mort cérébrale»: La colère de Merkel après les propos de Macron // Le Point. – 2019. – 25.11.

Pflimlin E. Sommet de Versailles: Pour une Europe à plusieurs vitesses // Le Monde. – 2017. – 07.03.

Syrie: Macron a «découvert» par un tweet que les États-Unis retireraient leurs troupes // Le Parisien. – 2019. – 18.10.

L'Union européenne et la paix. L'invention d'un modèle européen de gestion des conflits/ A. Bazin, Ch. Tenenbaum (dir.). – P.: Presses de Sciences Po, 2017. – 237 p.

Wieder Th. En Allemagne, le discours de Macron sur la dissuasion nucléaire est accueilli par un prudent silence // Le Monde. – 2020. – 08.02.

DOI: 10.31249/ape/2020.04.06

Chernega V.N.¹, 2020
**Various approaches to building of
«European Defence» in France**

Abstract. The article considers the views existing in France on the prospects of the European Union becoming a «political power» and the appearance in it of its own military instrument. It is noted that, in the opinion of most French politicians, experts and journalists, the EU is still far from being a full-pledged political subject. Although political and military structures

---

¹ Chernega Vladimir Nikolaevich – Sc.D. in Law, Leading Researcher, INION RAS (vladimir.tchernega@free.fr).

are formed in it, as a kind of «embryo» of quasi statehood, and a «neo-imperial» tendency already exists in it, basically the EU is an economic and «civilian» power which must fight for influence on the international arena only with the help of «soft power». The main reason of its weakness is its internal friability, disagreements between Members States over its future. In addition, the United States, which are not interested in a new global rival, are hampering the achievement of the self-sufficiency, especially in the military-political share. NATO, controlled by the USA, can only allow the creation of a «European pillar» under its umbrella. Eastern European countries are against military integration of the EU, because they are oriented not by Brussels, but by Washington in the security field.

However, the rise of China and the election of the nationalist Donald Trump as a President of the United States strengthened the trend in the EU advocating its political independence and the creation of its own «European defence». The article analyzes the initiatives and actions of French President Emmanuel Macron who personifies this trend. It is stated that, with the help of Germany, he managed to achieve certain progress both in terms of general integration and in the field of «European defence». This allowed him to speak about the formation of a «European army». But the question of whether he will be able to go further remains open. Besides the obstacles to political and military integration, which did not disappear, the coronavirus pandemic introduces its «corrections». The newly discovered split in the EU into «South» and «North» called into question its already fragile construction.

Keywords: political and military weakness of the EU, tendency to a greater independency, prospects of «European defence» and «European army».

References

Bauer A. (2020). La Pologne signe l'achat de 32 chasseurs F-35 américains // Les Echos. – 29.01.

Chernega V.N. (2019). The European Union in search of itself [Evrosoyuz v poiskakh samogo sebya] // International Affairs. – July. – P. 64–72.

Cornevin Ch. (2020). Les espions inaugurent le Collège européen de renseignement // Le Figaro. – 25.02.

Danilov V.A. (2017). European security: news military and political realities [Evropeiskaya bezopasnost': Novye voenno-politicheskie realii] // Europe in the XXI century: news challenges and risks (monograph). – Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoria. – P. 526–544.

Défense: l'Union européenne crée-t-elle une armée européenne ? (2019) // Parlement européen. – 24.06. – Mode of access: <https://www.europarl.europa.eu/news/fr/headlines/security/20190612STO54310/defense-l-union-europeenne-cree-t-elle-une-armee-europeenne> (Date of access – 23.04.2020).

Delivering on Europe. Citizens' Views on Current and Future EU Action. (2018) // Eurobarometer Survey of The European Parliament. A Public Opinion Monitoring Study. – Brussels. – May. – Vol. 89, PE 621.866. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2018/delivering_on_europe_citizens_views_on_current_and_future_eu_action/report.pdf (Date of access – 01.07.2020).

Desportes V. (2019). Préface // Mauro F., Jehin O. Défendre l'Europe. – P.: Nuvis, 2019. – P. 3–13.

Dumoulin A., Gros-Verheyde N. (2017). La politique européenne de sécurité et de défense commune: «Parce que l'Europe vaut bien une défense». – Bruxelles: Éd. du Villard. – 490 p.

Dusseaulx A.-Ch. (2018). Trump, Macron et l'armée européenne: Une passe d'armes en quatre actes // Le j. du Dimanche. – 10.11. – Mode of access: <https://www.lejdd.fr/International/trump-macron-et-larmee-europeenne-une-passe-darmes-en-quatre-actes-3797597> (Date of access – 13.04.2020).

France under president Emmanuel Macron: at the starting point [*Frantsiya pri prezidente E. Makrone: V nachale puti*]. (2018) / Eds: M.V. Klinova, A.K. Koudryavtsev, U.I. Rubinskiy, P.P. Timofeev. – Moscow: IMEMO RAS. – 206 p.

François J.-B. (2020). La confiance dans l'OTAN s'érode chez les Français et les Allemands // La Croix. – 10.02.

Galtung J. (1973). The European Community: A Superpower in the Making. – L.: George Allen&Unwin. – 195 p.

Gotkowska J. (2018). The Trouble with PESCO. The mirages of European defense // OSW Point of View. – N 69, February. – P. 5–24.

Guibert N. (2018). La Belgique achète des F-35 américains, un coup dur pour la défense européenne // Le Monde. – 26.10.

Hamonic A. (2018). Les relations entre l'Union européenne et l'ONU dans le domaine de la gestion des crises. – P.-Bruxelles: Ed. Bruylant. – 803 p.

Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. (2017) // Élysée. – 26.09. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (Date of access – 23.04.2020).

Laïdi Z. (2008). La norme sans la force, l'énigme de la puissance européenne. – P.: Presses de Sciences Po. – 296 p.

- Macron E. (2016). Révolution. – P.: XO Editions. – 268 p.
- Mauro F., Jehin O. (2019). Défendre l'Europe. – P.: Nuvis. – 126 p.
- Mével J.-J. (2017). L'Europe de la défense veut s'émanciper des États-Unis // Le Figaro. – 13.11.
- Nivet B. (2019). L'Europe puissance, mythes et réalités. – Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux. – 308 p.
- Otan en «mort cérébrale»: La colère de Merkel après les propos de Macron. (2019) // Le Point. – 25.11.
- Pflimlin E. (2017). Sommet de Versailles: Pour une Europe à plusieurs vitesses // Le Monde. – 07.03.
- Problems of European security: Collection of scientific papers. Issue 3: Europe in the Period of Geopolitical Uncertainty [*Evropa v epokhu geopoliticheskikh neopredelennosti*]. (2018) / Parkhalina T.G. (Ed.). – Moscow: INION RAS. – 312 p.
- Sidorov A.S. (2018). Defense and Security: a New President – Old Challenges [*Oborona i bezopasnost': Novyi prezident – starye vyzovy*] // France under president Emmanuel Macron: at the starting point / Eds: M.V. Klinova, A.K. Koudryavtsev, U.I. Rubinskiy, P.P. Timofeev. – Moscow: IMEMO RAS. – P. 193–199.
- Sidorov A.S. (2012). EU's Armed Forces: Reality or Chimera? [*Vooruzhennyye sily ES: real'nost' ili khimera*] // Contemporary Europe. – N 1(49). – P. 134–142.
- Syrie: Macron a «découvert» par un tweet que les Etats-Unis retiraient leurs troupes. (2019) // Le Parisien. – 18.10.
- L'Union européenne et la paix. L'invention d'un modèle européen de gestion des conflits. (2017) / A. Bazin, Ch. Tenenbaum (dir.). – P.: Presses de Sciences Po. – 237 p.
- Wieder Th. (2020). En Allemagne, le discours de Macron sur la dissuasion nucléaire est accueilli par un prudent silence // Le Monde. – 08.02.
- Zhurkin V.V. (2014). Military policy of the European Union [*Voennaya politika Evrosoyuza*]. – Moscow: International Relations. – 256 p.